

Я НИКОГДА НЕ БУДУ ПРЕЖНЕЙ

КНИГА 3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я не когда не буду прежней

Наталья Александрова

**Я никогда не буду
прежней. Книга 3**

«Автор»

2026

Александрова Н.

Я никогда не буду прежней. Книга 3 / Н. Александрова —
«Автор», 2026 — (Я не когда не буду прежней)

Она думала, что знает, что такое страсть. Но оказалось, что она ничего не знала. После той ночи у камина её мир раскололся надвое — до Макса и после. Он уехал, оставив после себя только запах, воспоминания и молчащий телефон. Она ждала. Месяц. Два. Три с половиной. Звонила в пустоту, писала в никуда, сходила с ума от неопределённости. А когда он вернулся — так же внезапно, как исчез, — она уже не была той наивной девочкой, которая согласна на крохи. Он привёз её в Анталию. В мир бесконечного моря, звёздных ночей и свободы. Семь дней, которые изменили всё. Она впервые почувствовала, что её любят не за послушание, а за саму жизнь. Он впервые позволил себе не бояться. Это история о том, как из боли рождается сила, из ожидания — свобода, а из случайной встречи — любовь, которая не знает расстояний.

Содержание

Глава 1. Ожидание Макса	5
Глава 2. Новые отношения с Сергеем	12
Глава 3. Приезд Макса 3,5 месяца спустя	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Я никогда не буду прежней. Книга 3

Глава 1. Ожидание Макса

Выходные с друзьями Макса, а главное с ним самим были незабываемые. Самые лучшие 3 дня в моей жизни.. Но жизнь после, когда он улетел — это сплошные муки.

Я пришла домой, вошла в свою комнату. Закрыла дверь. Села на кровать.

Я слышала, как папа сказал:

— Наверно, она влюбилась.

А мама ответила:

— Помню у меня было такое настроение и состояние ещё до встречи с тобой. Моя влюблённость, которая была неразделённой.

Я легла на кровать, сжала подушку.

Разделённая ли эта любовь?

Любит ли он меня?

Или я просто тыл, которым он насыщается в моменты приезда на родину?

Я не знала ответа.

Полежав пару часов глядя в полоч, я пошла стирать платье в ванной, пока родители смотрели телевизор. Пятна почти не отстирались — сперма, даже засохшая, оставляет следы. Как и он.

Ночью я не спала. Лежала в своей кровати, смотрела в потолок и перебирала в голове каждую минуту этих четырёх дней. Как он держал меня в бассейне. Как шептал «терпи» в библиотеке. Как его пальцы были везде — в вагине, в анусе, на клиторе, в моих волосах.

Я думала о его запахе. О том, как он смотрел на меня, когда кончал. Как улыбался после — сытый, довольный, мой.

Первая неделя разлуки

В первый день я проверила телефон сто раз. Ничего.

На второй день — двести. Ничего.

На третий я написала ему первой: «Как долетел?». Сообщение ушло, но прочитано не было.

На четвёртый — позвонила. «Абонент недоступен».

На пятый я перестала проверять телефон каждые пять минут. Но каждые десять — проверяла.

На шестой я легла в кровать, включила фото на телефоне. Его портрет. Торс на пляже. И плакала. Долго. Без звука, потому что родители в соседней комнате.

На седьмой я сказала себе: «Он занят. Он прилетит. Он позвонит». Я не поверила себе.

Я начала вспоминать слова Сони. Её голос за завтраком, лёгкий, почти безразличный, когда она говорила: «Он прилетал на пару дней и улетал на неопределённый срок. За полгода мы были вместе в общей сложности недели две».

Тогда я не поняла. Тогда я думала: «У нас всё иначе. Я — другая. Мы — другие».

Теперь я понимала. Я — такая же. Мы — такие же. Он — такой же.

Соня ждала полгода. Плакала. Сходила с ума. Встретила Влада — и успокоилась. Вышла замуж. Родила ребёнка. И теперь говорит: «Макс остался другом».

А я? Я хочу так же? Ждать полгода ради двух недель? Ждать, пока он прилетит, потрахается, подарит сушёную хурму и золотую шпильку — и улетит? Хочу ли я так?

Я не знала ответа. Я знала только, что сейчас — хочу. Что сейчас — готова ждать.

Через две недели я позвонила Марине.

Мы не общались с того самого юбилея, где всё началось. Она была подругой, но не близкой. Такой, с которой можно не видеться месяцами, а потом встретиться и продолжить разговор с полуслова.

— Привет, Кать, — сказала она. Голос был обычным, тёплым. — Давно не слышала.

— Привет, — сказала я. — Как ты?

— Нормально. Работа, дом, круговорот. А ты?

Я молчала. Потом выдохнула:

— Марин, я хочу спросить о Максе.

Она помолчала.

— А что с ним?

— Он уехал в командировку. Сказал, что позвонит. Не звонит. Телефон недоступен.

— Он часто так, — сказала Марина. — Отключается на переговорах. Я тоже не могу до него дозвониться иногда неделями.

— Неделями?

— Ну да. Он же в Китае, там другая связь, другие часовые пояса. Он занят. Не переживай. Но я переживала.

— Марин, — сказала я. — А вы с ним... говорили обо мне? Ты рассказала ему, что я звонила? Что спрашивала?

Она снова помолчала.

— Кать, у нас с братом договор. Я не лезу в его личную жизнь. Он — в мою. Я не спрашиваю его про девушек. Он не спрашивает про моих мужчин. Это единственный способ сохранить нормальные отношения.

— А он знает, что ты знаешь? — спросила я.

— Догадывается, — ответила Марина. — Но мы не говорили об этом. Ни слова.

— А ты? — спросила я. — Ты думаешь, что мы с ним... пара? Или просто... трахаемся? Марина вздохнула.

— Кать, я не знаю. Я знаю Макса с детства. Он никогда не был в серьёзных отношениях. Никогда. Точнее однажды, но лучше бы не был. Он всегда говорил, что не создан для этого, для отношений. Что его жизнь — это самолёты, контракты, переговоры. Что он никому не нужен, и никто не нужен ему.

— А я? — спросила я. — Я ему нужна?

— Я не знаю, — повторила она. — Но он никогда не приглашал девушек на банкеты к Артёму. Ты — первая. И он никогда не оставался в городе на четыре дня. Для него это очень много.

Я сжала телефон.

— Марин, он сказал, что у него нет никого в Китае.

— Возможно, и нет, — ответила она. — Он не врал мне ни разу в жизни. Но он умеет молчать. Если он не хочет говорить — не скажет.

— А как понять, хочет он или нет?

— Никак, — сказала Марина. — Просто ждать. Или не ждать.

Прошло 2 месяца

Я ходила на работу. Писала отчёты. Улыбалась коллегам. Ела. Спала. Жила. По инерции.

Вечером я ложилась в кровать, смотрела в потолок и вспоминала. Его руки. Его губы. Его голос: «Терпи».

Я пробовала мастурбировать. Вибратор, тот самый, с изгибом. Водила им по клитору, вводила глубоко, сжимала мышцы. Оргазм приходил — быстрый, острый, пустой. Я не чувствовала ничего, кроме разрядки.

Это была корка хлеба. Я хотела ресторан мишлен. Я хотела его.

Я звонила ему раз в три-четыре дня. «Абонент недоступен». Я не знала, что это значит: он в зоне без связи, он сменил номер, он заблокировал меня. Я не знала. И от незнания болела голова, и ныло в груди, и каждый звук телефона заставлял сердце биться быстрее.

Ни одного звонка. Ни одного сообщения. Ничего.

Я снова позвонила Марине.

— Он не отвечает мне уже два месяца — сказала я.

— Мне — тоже, — ответила она.

— А что это значит?

— Не знаю, — сказала она. — Иногда он так делает. Исчезает. А потом появляется. Как ни в чём не бывало.

— И ты его не ищешь?

— Нет. Я привыкла.

— А если он попал в беду?

— Он не попадает в беду, — сказала Марина. — Он просто живёт свою жизнь. Кать, я хотела тебя спросить... Ты его любишь?

Я молчала.

— Кать?

— Не знаю, — ответила я. — Наверное, да. Или просто схожу с ума.

— Это одно и то же, — сказала Марина. — Первое время. Потом проходит.

— У тебя прошло?

— Да, — ответила она. — Когда я перестала ждать. Не когда он вернулся. А когда я перестала ждать.

Я положила трубку.

Я лежала на кровати, смотрела в потолок и думала: «Хочу ли я так? Ждать полгода? Ждать год? Ждать, пока он прилетит, потрахается, подарит сушёную хурму и улетит? Хочу ли я быть его девушкой?»

Я не знала. Я знала, что сейчас — хочу. Что сейчас — готова ждать ещё неделю, ещё месяц, ещё сколько надо. Что сейчас — ничего не важно, кроме его голоса, его рук, его члена.

Я знала, что это не любовь. Или любовь. Я не разбиралась.

Я знала только одно: он уехал, а я осталась. И я не знаю, вернётся ли он.

Я сжала подушку, в которой ещё оставался его запах.

И заплакала.

Снова. В тишине. Без звука.

Вероника пришла ко мне в отдел в обед.

— Слушай, — сказала она, садясь на край стола. — У меня к тебе предложение.

— Какое? — спросила я, не отрываясь от монитора.

— Завтра девичник у Дашки. Ты же знаешь Дашку?

— Знаю. Но меня не звали.

— Звали. Ты отказалась. Я помню. Но я тебя уговорю.

Я подняла голову.

— Что там?

— Стриптизёры, — сказала Вероника с улыбкой. — Настоящие. Профессионалы. Дашка выбрала тематику — пожарные и полицейские. Будут парни в форме. Снимут её.

— И что я там забыла?

— Ты там забыла, что тебе уже два месяца плохо, — сказала Вероника серьёзно. — Ты ходишь на работу, улыбаешься, делаешь вид, что всё нормально. А я вижу, что не нормально. Ты похудела. Под глазами круги. Ты ни разу не улыбнулась по-настоящему за всё это время.

Я молчала.

— Это не измена, Кать, — сказала она мягче. — Ты будешь только смотреть. Трогать. Расслабляться. Тебе это необходимо. Переключиться. Встряхнуться.

— Трогать? — переспросила я.

— Ну да. Они танцуют, ты можешь их трогать. Они не лезут куда не надо без разрешения. Это не секс, это развлечение. Без обязательств.

Я смотрела на неё. Она смотрела на меня.

— Вероник, ты серьёзно?

— Абсолютно.

Я вздохнула.

— Ладно. Уговорила.

Она хлопнула в ладоши.

— Отлично! Я так и знала, что уговорю. Поэтому у меня для тебя кое-что есть.

Она достала из пакета...

Костюм зайчихи. Ушки на ободке. Пушистый хвостик на резинке. Тельняшка — чёрное кружево, прозрачное, с вырезом до пупка.

Я рассмеялась.

— Это что такое?

— Дресс-код. Все девочки будут в таком.

— Вероник, на какую порновечеринку ты меня пытаешься затащить?

— На самую лучшую, — ответила она, подмигивая.

Квартира у Дашки была большая — евротрешка, с панорамными окнами, с мягкими диванами, с огромным телевизором на стене. Когда мы вошли, там уже было около 10 девчонок — все в одинаковых костюмах зайчиков. Чёрное кружево, ушки, хвостики. Я чувствовала себя то ли глупо, то ли сексуально — не могла понять.

Мне налили шампанского. Я выпила залпом. Ещё одно. Ещё.

Стало легче.

— Девочки, — сказала Дашка, вставая на диван. — Сейчас будет жарко!

Врубили музыку. Громко, с басами, так, что пол завибрировал.

И тут зашли они.

Десять мужчин. Накаченных. Загорелых. В форме — двое в полицейской, трое в пожарной, остальные в чём-то таком, что невозможно описать словами: кожаные штаны, без рубашек, с блестящими от масла торсами.

Я замерла.

Музыка гремела. Они танцевали — не пошло, нет, красиво. Ритмично. С рывками, с выпадами, с такими движениями бёдрами, что у меня перехватило дыхание.

Они срывали с себя одежду. Форма летела на пол. Полицейские фуражки оказывались на головах визжащих девчонок. Пожарные каски — на подушках диванов.

Они садились к нам на колени. Каждый — к своей.

Ко мне подсел парень в чёрных брюках и подтяжках. Брюки были так низко, что я видела его кубики пресса, его косую линию мышц, уходящую за пояс. Его грудь была гладкой, загорелой, с рельефом, от которого хотелось провести пальцем.

— Привет, зайка, — сказал он.

Я не ответила.

Он взял мои руки и положил себе на бёдра. Кожа была горячей. Твёрдой. Живой.

— Трогай, — сказал он. — Можно.

Я провела ладонями по его бёдрам. Вверх, к талии. К мышцам пресса. К груди. Он был красивым. Безупречным. Как картинка из журнала.

Он наклонился и поцеловал меня в шею. Легко. Почти невесомо. Его губы скользнули к ключице, к плечу. Его рука легла мне на талию, потом на грудь. Он сжал её. Не больно. Нежно.

Я закрыла глаза.

Ничего.

Я не почувствовала ни пульсации внизу живота. Ни влажности. Ни желания. Просто интересно.

Я открыла глаза, посмотрела на него. Он улыбался.

— Нравится? — спросил он.

— Да, — соврала я.

Девчонки визжали. Смеялись. Совали парням деньги за пояса, за брюки, прямо в трусы. Кто-то уже сидел верхом на коленях у своего стриптизёра. Кто-то целовался. Кто-то просто смотрел и пил шампанское.

Я отошла в туалет.

Закрывает дверь. Опустила руку под кружевные трусики.

Сухо.

Я провела пальцем по клитору, по половым губам — ничего. Ни капли влажности. Как будто там пустыня.

Я смотрела на себя в зеркало. Ушки зайчика съехали набок, хвостик отклеился. Я выглядела глупо.

«Что со мной происходит? — подумала я. — Такие парни. Горячие. Накаченные. Они раздеваются передо мной, танцуют, трогают меня — а я сухая».

Я вышла из туалета, поправила костюм.

Вероника поймала меня за руку.

— Ты чего? — спросила она.

— Ничего, — ответила я.

— Не врешь?

— Не вру.

Она посмотрела на меня. Не поверила, но не стала спрашивать.

— Давай, — сказала она. — Расслабься. Выпей ещё.

Я выпила.

Я поставила себе вызов.

Я подошла к двум стриптизёрам сразу. Один в пожарных штанах, второй — в полицейских. Оба без рубашек.

— Танцуйте со мной, — сказала я.

Они улыбнулись. Взяли меня между собой. Пожарный встал спереди, полицейский — сзади.

Музыка загрохотала громче.

Они двигались синхронно. Пожарный провёл руками по моим плечам, по груди, по животу. Полицейский — по спине, по ягодицам, по бёдрам.

Я закрыла глаза, расслабилась.

Пожарный прижался ко мне бёдрами. Я почувствовала его член через ткань брюк — твёрдый, набухший. Полицейский тоже прижался. Два члена. Спереди и сзади.

Я открыла глаза. Они смотрели на меня. Ждали реакции.

— Тебе нравится? — спросил пожарный.

— Да, — ответила я.

Я не врала. Это было приятно. Необычно. Смело. Но низ живота молчал.

Пожарный взял мою руку и положил себе на трусы. Я почувствовала его член через ткань. Большой. Горячий.

Полицейский сделал то же самое с другой стороны.

Два члена. Мои руки на них. Я могла сжать, погладить, почувствовать их пульс. Я сжала.

Ничего.

Я убрала руки.

— Всё нормально? — спросил пожарный.

— Всё нормально, — ответила я. — Спасибо.

Отошла к столу. Налила шампанского. Выпила.

Вероника подошла ко мне.

— Ну как?

— Никак, — сказала я.

— В смысле?

— В прямом. Они трогали меня. Я трогала их. А я сухая. Как в пустыне.

Вероника посмотрела на меня. Ей стало грустно.

— Катя, — сказала она. — Это он так на тебя действует?

— Кто?

— Макс.

Я не ответила.

— Ты сохнешь по нему. Даже когда тебя трогают два горячих парня. Ты думаешь о нём?

— Я не думаю, — сказала я. — Я просто ничего не чувствую.

— Это хуже, — ответила Вероника. — Если бы ты думала — это было бы понятно. А ты просто... отключилась.

Я смотрела на танцующих парней. На визжащих девчонок. На шампанское, которое уже не пьянило.

— Я, наверное, поеду, — сказала я.

— Не надо, — сказала Вероника. — Посиди ещё.

— Не могу.

Я взяла сумку. Сняла ушки. Отклеила хвостик, надела пальто.

— Катя, — сказала Вероника. — Ты в порядке?

— Да, — ответила я. — Всё нормально. Просто устала.

Я вышла на улицу.

Было свежо. Звёзды на небе. Тишина.

Я села в такси, назвала адрес.

И всю дорогу смотрела в окно.

Он был там. Везде. В каждом фонаре. В каждом отражении. В каждом движении теней.

Я не хотела других мужчин. Не хотела их прикосновений. Не хотела их членов, даже самых красивых, самых накаченных, самых умелых.

Я хотела его. Только его. Даже если он не звонит. Даже если не вернётся. Даже если я для него просто тыл.

Я хотела его.

И это было хуже всего.

Я пришла домой, разделась и встала перед зеркалом.

На меня смотрела сексуальная, привлекательная девушка. Даже после стриптиз-клуба, даже после шампанского, даже после того, как я пыталась заставить себя хотеть других мужчин. Узкая талия, круглая грудь, длинные волосы. Только синяки под глазами — вот что портило картину. И пустой взгляд.

Родители заметили.

— Катя, ты неважно выглядишь, — сказала мама за ужином. — Может, сходить к врачу?

— Всё нормально, — ответила я.

— Ты похудела.

— Это потому, что я мало ем.

— А почему ты мало ешь?

Я не ответила.

Папа отложил газету, посмотрел на меня поверх очков.

— Влюбилась, что ли? — спросил он. — И сохнешь по кому-то?

Я хотела сказать «нет». Но не смогла.

— Типа того, — сказала я.

Мама с папой переглянулись.

— Пройдёт, — сказала мама. — Первая любовь она такая.

Мам, мне тридцать – какая первая любовь? - Я усмехнулась про себя.

Первая любовь. Если бы они знали. Если бы они знали, что их дочь оттрахана во все щели этим «первой любовью». Что за несколько дней он вылил в меня, наверное, литр своей спермы. Что она растекалась по всей моей матке, смешивалась с моими соками, пропитывала меня насквозь.

Что его сперма во мне — это наркотик. Героин. Ломка без него начиналась через день, а через месяц — я готова была на всё, лишь бы почувствовать его снова.

Но родителям этого знать не надо.

— Пройдёт, — повторила мама.

— Конечно, — сказала я.

Я доела ужин, помыла посуду, почистила зубы и легла в кровать.

Вспоминала Макса. Его руки. Его губы. Его член, который я чувствовала везде — в вагине, в анусе, в горле. Как он говорил «терпи». Как он кончал в меня — глубоко, сильно, до последней капли.

Я заснула с мокрыми щеками.

Глава 2. Новые отношения с Сергеем

Через два дня мне позвонили с незнакомого номера. У меня сердце ушло в пятки – это Макс?

— Алло? — сказала я.

— Привет, — сказал мужской голос. — Узнаёшь?

Я не узнала.

— Это Сергей. С девичника. Полицейский.

Я вспомнила. Тот самый, который танцевал передо мной. Который трогал меня, а я не чувствовала ничего. Который положил мою руку себе на трусы, и я сжала его член, но пульсация внизу так и не пришла.

— Да, — сказала я. — Привет.

— Я твой номер выпросил у Вероники, — сказал он. — Она долго не хотела давать, но я сказал, что ты мне понравилась. Надеюсь, ты не против.

— Не против, — ответила я.

— Слушай, — сказал он. — Давай сходим куда-нибудь? В кино, в кафе, не знаю. Просто пообщаемся. Без танцев, без стриптиза. Я умею быть нормальным.

Я подумала о Максе. О том, что он не звонит. О том, что его телефон недоступен уже больше двух месяцев.

— Давай, — сказала я.

— Супер! Завтра в семь? Я за тобой заеду.

Я сказала адрес.

Положила трубку.

«Клин клином вышибают», — подумала я. — «Пора переключаться».

Сергей заехал за мной ровно в семь.

Он был в обычной одежде — джинсы, кожаная куртка, чисто выбрит. Без формы он выглядел моложе, проще, человечнее.

— Ты красивая, — сказал он.

— Спасибо, — ответила я.

Мы поехали в кинотеатр. Купили попкорн, колу, взяли билеты на романтическую комедию.

Я смотрела на экран, но видела другого. Я слышала смех Сергея, но слышала другой голос. Он держал меня за руку, и его ладонь была тёплой — но не такой, как та, которую я помнила.

После кино мы пошли в ресторан.

Сергей рассказал о себе. Что стриптиз — это иногда друг прост, когда надо много парней, да и способ подзаработать. Что на самом деле он работает тренером в тренажёрном зале. Что любит путешествовать, но редко получается. Что у него есть собака — лабрадор по кличке Рекс.

— Может, завтра погуляем с ним вместе? — предложил он. — В парке. Мороженое, воздух, собака. Без обязательств.

— Без обязательств, — повторила я.

Я согласилась.

Он довёз меня до дома. Остановил машину, повернулся ко мне.

— Мне было приятно, — сказал он. — Ты классная.

— Ты тоже, — ответила я.

Он не полез целоваться. Не полез под юбку. Не сказал «пошли к тебе». Он просто улыбнулся и пожелал спокойной ночи.

Я вышла из машины, поднялась в квартиру, легла в кровать.

Макс не позвонил.

Я лежала в темноте и думала.

С Максом — ни одного свидания. Ни одного фильма. Ни одного ресторана. Только секс. Только страсть. Только его член во всех моих дырках.

С Сергеем — кино, попкорн, разговоры, улыбки. Ни одного намёка на секс.

Странно. Раньше я думала, что для счастья нужна страсть. Что без неё отношения — пустышка.

Теперь я не знала.

Я хотела страсть. Но без неё — было спокойно. Не больно. Не голодно. Просто... скучно.

Я заснула.

На следующий день Сергей встретил меня после работы.

Мы пошли в парк. Он привёл Рекса — огромного лабрадора, который сразу положил мне лапу на колено и лизнул руку.

— Он тебя одобряет, — сказал Сергей.

— Умный пёс, — ответила я.

Мы гуляли часа два. Смеялись. Бросали палку Рексу. Ели мороженое. Сидели на скамейку, когда темнело.

— Катя, — сказал Сергей. — Можно спросить?

— Давай.

— Ты недавно рассталась с кем-то?

Я посмотрела на него.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты грустная, — сказал он. — Смеёшься, но глаза грустные. И когда я держу тебя за руку — ты не отнимаешь, но и не сжимаешь в ответ.

Я молчала.

— Я не лезу в душу, — сказал он. — Просто хочу, чтобы ты знала. Я здесь. Если захочешь поговорить.

— Спасибо, — сказала я.

Он довёз меня до дома. Поцеловал в щёку.

— Спокойной ночи, Катя.

— Спокойной ночи, Сергей.

Я вошла в подъезд, поднялась на свой этаж, села на кровать.

Достала телефон. Проверила. Ноль пропущенных. Ноль сообщений.

Макс. Ты где?

Я написала ему: «Привет». Сообщение ушло. Не прочитано.

Я зарыла лицо в подушку.

Сергей был хорошим. Добрым. Внимательным. У него были тёплые руки, и он умел слушать.

Но я хотела другие руки. Горячие, собственнические, которые помнили каждую точку на моём теле.

Я хотела его член. Тот, который заставлял меня кричать. Тот, который пульсировал внутри меня, выплёскивая сперму глубоко в матку.

Я хотела его. Даже если он не звонит. Даже если он забыл мой номер. Даже если для него я — просто ещё одна девушка.

Я хотела его.

И это было хуже всего.

3 месяца с разлуки

С Сергеем мы гуляли в парке. Ходили в цирк — он смеялся, как ребёнок, когда клоуны падали с лестницы. Ходили в зоопарк — кормили обезьян, фотографировались с попугаями, и он купил мне огромную сладкую вату, которая потом прилипла к волосам. Он катал меня на аттракционах — американские горки, колесо обозрения, автодром. Целовал в щёчку, когда провожал до дома. Держал за руку, когда мы гуляли по вечернему городу.

Почти месяц. Почти каждый день.

Я не испытывала к нему страсти.

Мне не хотелось кусать его шею. Не хотелось срывать с него одежду. Не хотелось, чтобы он вошёл в меня. Даже когда он обнимал меня за талию — я чувствовала тепло, но не пульсацию.

И я задавала себе вопрос: нужна ли она мне? Страсть? Может, это переросло? Может, я стала взрослой и теперь мне достаточно спокойствия, заботы, совместных прогулок и поцелуев в щёчку?

Я даже мастурбировать не хотела. Лежала в кровати, смотрела в потолок, водила рукой по животу — и не чувствовала ничего. Вагина была сухой. Клитор — спящим. Оргазм, если я заставляла себя, был быстрым, пустым, как чихнуть.

Я не видела в этом смысла.

Но я продолжала встречаться с Сергеем. Потому что он был рядом. Потому что он смотрел на меня так, будто я была нужна ему. Потому что без него я оставалась одна — с телефоном, который молчал, и с мыслями о мужчине, который не звонил.

Мы сидели в парке на скамейке. Сергей принёс кофе в стаканчиках и круассаны. За окнами уже смеркалось, фонари зажигались один за другим.

— Кать, — сказал он. — У меня к тебе предложение.

— Какое?

— Пойдём ко мне в гости. Завтра вечером. Я приготовлю ужин. Посмотрим фильм. Просто посидим, без суеты.

Я поняла, к чему это.

Не сразу. Не то чтобы он намекал. Он вообще никогда не намекал. Он был идеальным джентльменом — открывал дверь, подавал руку, не лез с поцелуями. Но приглашение в гости вечером — после месяца свиданий — это было приглашение.

Я не понимала, соглашаться ли.

А что, если вернётся Макс? Что, если он приедет завтра, позвонит, скажет: «Я в городе, приезжай» — а я буду у Сергея?

Я смотрела на Сергея. Он ждал. Не давил. Просто смотрел и улыбался.

— Можно подумать? — сказала я. — Я отвечу через десять минут.

— Конечно, — сказал он. — Я подожду.

Я отошла на двадцать метров. Встала у дерева, чтобы он не слышал. Достала телефон.

Макс. Номер всё ещё был в избранном. Я нажала вызов.

«Абонент недоступен».

Я сбросила. Нажала снова.

«Абонент недоступен».

Я написала сообщение: «Привет. Как ты? Я скучаю». Сообщение ушло. Через минуту — не прочитано. Через две — не прочитано. Я знала, что он не ответит. Но я надеялась.

Позвонила Марине.

— Привет, — сказала она. — Кать, что случилось?

— Ты знаешь, где Макс? Он выходил на связь?

— Нет, — сказала Марина. — Я же говорила. Он пропал. Даже мне не звонит. Это нормально, он так делает, когда занят.

— Но он вернётся?

— Не знаю, — сказала она. — Надеюсь.

Я молчала.

— Кать, — сказала Марина. — Ты там как? Не сохнешь?

— Сохну, — ответила я. — Сохну, Марин. И не знаю, что делать.

— Жить дальше, — сказала она. — Жить дальше, Кать. Он не остановит свою жизнь ради тебя. Ты не останавливай свою ради него.

Я сбросила звонок. Стояла у дерева, сжимая телефон. Ветер дул в лицо, и я чувствовала, как глаза щиплет от слёз, которые я не давала себе выплакать.

Десять минут прошло.

Я вернулась к Сергею.

— Давай, — сказала я. — Пойдём к тебе.

На следующий день он встретил меня после работы. Приехал на машине, открыл дверь, поцеловал в щёку.

— Волнуешься? — спросил он.

— Немного, — ответила я.

— Не бойся. Я не кусаюсь.

Его квартира была маленькой, но уютной. Чисто, пахло выпечкой и чем-то ещё — то ли кофе, то ли деревом. Он приготовил пасту с морепродуктами. Открыл бутылку белого вина.

Мы сидели на кухне. Он рассказывал о своей работе, о собаках, о клиентах, которые приходили с разбитыми судьбами. Я слушала. Кивала. Улыбалась.

Потом мы перешли в комнату. Он включил фильм — какую-то романтическую комедию. Мы сидели на диване, он обнимал меня за плечи. Я положила голову ему на грудь.

Сердце билось ровно. Не часто. Не громко. Спокойно.

Фильм закончился. Он выключил телевизор.

— Кать, — сказал он. — Я не буду тебя ни к чему принуждать. Ты мне нравишься. Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Если ты не хочешь секса — не будет секса. Мы просто положимся, обнимемся и уснём. Или я отвезу тебя домой.

Я смотрела на него. На его честные глаза. На его тёплые руки, которые не лезли под юбку, не растёгивали пуговицы, не искали мои соски.

— Я не знаю, чего хочу, — сказала я.

— Тогда давай без «чего хочу», — сказал он. — Давай просто будем. Без обязательств.

Я кивнула.

Он обнял меня. Мы легли на диван. Он накрыл нас пледом. Его дыхание было ровным, спокойным. Я чувствовала его тепло, его запах — не терпкий, не мужской, не сводящий с ума. Просто запах чистого тела и дезодоранта.

Я закрыла глаза.

Макс не звонил. Макс не писал. Макс был где-то там, в Китае или в другой стране, с другими людьми, с другими делами. Может быть, с другими женщинами. Или один.

Я не знала. И никогда не узнаю.

А Сергей был здесь. Тёплый. Надёжный. Не страстный. Не опасный. Не такой, от которого хочется кричать.

Но он был.

И этого было достаточно? Я не знала.

Я заснула в его объятиях.

Первый раз за три месяца — без слёз.

Три месяца с разлуки

Сегодня ровно три месяца, как Макс уехал.

Я считала дни. Сначала каждый — помечала в календаре красным крестиком. Потом через один — когда сил не было даже на это. Потом перестала считать. Но внутри счётчик

всё равно тикал. Девяносто дней, более двух тысяч часов — как там в песне? Не помню. Я помнила только его. Его руки. Его голос. Его член, который я чувствовала внутри себя даже сейчас, через три месяца, через сотню ванн, через десятки бессонных ночей.

Окружающие заметили, что этот месяц я выгляжу лучше.

— Ты похорошела, — сказала Вероника в офисе. — Прямо светишься.

— Спасибо, — ответила я.

— Это из-за Сергея?

— Наверное.

Я не врал. Сергей был хорошим. Он дарил мне спокойствие, улыбки, прогулки. Он не требовал секса, не лез под юбку, не кусал шею. Он просто был рядом.

Но светилась ли я из-за него? Или потому, что перестала плакать по ночам? Или потому, что наконец-то приняла: Макс не вернётся?

Я не знала.

Родители тоже заметили перемены. Мама перестала заглядывать в мою комнату с тревогой. Папа перестал вздыхать, когда я проходила мимо.

— Ты сегодня красивая, — сказала мама за завтраком.

— Спасибо, мам.

— Это из-за того мужчины? Из-за Сергея?

— Наверное, — снова ответила я.

Я не врал. Но и не говорила всей правды. Правда была в том, что я приняла решение.

Неделю назад я договорилась с собой.

Если Макс не объявится — я пересплю с Сергеем.

Я не хотела использовать его. Не хотела, чтобы он был «заменой», «утешением», «клином, который вышибают клином». Он был человеком. Живым, настоящим, с собакой, с работой тренера, с его смешными историями про клиентов.

Но я не могла больше ждать. И не могла оставаться в подвешенном состоянии.

Секс с Сергеем должен был стать точкой. Либо я почувствую что-то — и тогда, может быть, смогу двигаться дальше с ним. Либо не почувствую ничего — и тогда пойму, что дело не в отсутствии секса, а в отсутствии его.

Макса.

Сегодня истекал срок моей договорённости с собой.

Перед выходом из дома я набрала номер Макса.

«Абонент недоступен».

Я сбросила. Набрала снова.

«Абонент недоступен».

Я написала сообщение: «Привет. Это Катя. Просто хотела сказать, что я тебя ждала. Но больше ждать не буду».

Сообщение ушло. Через минуту — не прочитано. Через пять — не прочитано. Я знала, что он не ответит. Но я надеялась.

Позвонила Марине.

— Привет, — сказала я.

— Кать, ты чего? Голос странный.

— Скажи, Макс не выходил на связь?

— Нет, — сказала она. — Ничего. Ты же знаешь, он мог пропадать и на полгода. Ничего нового.

— А если он вернётся и узнает, что я... что я перестала его ждать?

Марина помолчала.

— Кать, — сказала она. — Ты его уже три месяца ждёшь. Он не звонит. Не пишет. Даже мне. Если он вернётся — значит, вернётся. И тогда будет видно. Но ты не обязана сидеть и ждать, пока он соизволит вспомнить, что ты существуешь.

Я молчала.

— Ты любишь его? — спросила Марина.

— Не знаю, — ответила я. — Наверное, да. Но любовь — это когда тебя тоже любят? Или это когда ты готова ждать вечность?

— Это когда вместе, — сказала Марина. — Вместе. А не когда один ждёт, а другой... где-то там.

Я сбросила звонок.

Стояла в прихожей. Смотрела на своё отражение в зеркале. Джинсы, белая блузка, волосы распущены. Красивая. Сексуальная. Но глаза — пустые.

Я взяла сумку. Ключи. Телефон.

— Я пошла, — крикнула маме.

— Удачи, — ответила она.

Она не знала, на что именно.

Сергей ждал меня у подъезда.

Он стоял у своей машины — неприметный седан, чистый, не новый, но ухоженный. Он был в джинсах и футболке, волосы чуть взлохмачены, улыбка — спокойная, добрая.

— Привет, красавица, — сказал он.

— Привет, — ответила я.

Он открыл мне дверь. Я села. Он сел за руль.

— Куда поедем? — спросил он. — В парк? В кино? Ко мне?

«Ко мне», — сказал он так же спокойно, как говорил «в парк» или «в кино». Без намёка. Без давления. Просто вариант.

— К тебе, — сказала я.

Он посмотрел на меня. На секунду дольше, чем обычно.

— Точно?

— Точно.

Он завёл машину.

Мы ехали молча. За окном мелькали огни вечернего города. Я смотрела на них и думала: «Сегодня. Через час. Или через два. Я буду лежать под ним. Или на нём. Я буду чувствовать его член внутри. Или не буду».

Страшно не было. Не было ни страха, ни волнения, ни предвкушения. Только пустота. И вопрос: «Почувствую ли я что-то? Или для меня секс теперь навсегда — просто движение тел?»

Мы заехали в его двор. Припарковались. Он вышел, открыл мне дверь. Мы поднялись на лифте. Он открыл квартиру ключом.

— Проходи, — сказал он. — Я поставлю чайник.

— Не надо чая, — сказала я.

Он повернулся ко мне.

— Кать, — сказал он. — Ты уверена?

— Да, — сказала я.

— Ты не обязана. Я не настаиваю.

— Я знаю. Сама хочу.

Он посмотрел на меня. Долго. Внимательно. Потом подошёл, взял мои руки в свои.

— Кать, если ты это делаешь, потому что думаешь, что должна... не надо. Я подожду. Я могу ждать.

— Я не думаю, что должна, — сказала я. — Я просто хочу попробовать. Понять.

Он молчал. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Но если ты в любой момент захочешь остановиться — скажи. Я остановлюсь.

— Хорошо, — сказала я.

Он наклонился и поцеловал меня.

Не как Макс. Не жадно, не голодно, не с языком, который проникает в рот и заставляет забыть, как дышать. Нежно. Медленно. Вопросительно.

Я закрыла глаза.

Ничего.

Ни пульсации. Ни дрожи в коленях. Ни желания вцепиться в его волосы.

Его губы были тёплыми. Мягкими. Умелыми.

Но это было не то.

Он отстранился.

— Всё нормально? — спросил он.

— Да, — соврала я.

— Пойдём в комнату.

Мы зашли в спальню. Кровать была застелена — белое бельё, подушки взбиты. Он зажёл ночник — мягкий, тёплый свет.

— Ты красивая, — сказал он.

— Спасибо, — ответила я.

Он раздел меня. Медленно. Пуговица за пуговицей. Сначала блузка. Потом джинсы. Потом бюстгальтер. Кружевные трусики он снимал дольше всего.

— Ты можешь не смотреть, — сказала я.

— Хочу смотреть, — ответил он.

Я лежала на спине. Голая. Перед мужчиной, который меня хотел. И не чувствовала ничего.

Он разделся сам. Его тело было красивым — накаченным, загорелым, без лишнего жира. Член — твёрдый, большой, но не такой, как у Макса. Другой. Чужой.

Он лёг сверху. Его грудь прижалась к моей. Его губы нашли мои соски. Он сосал их — нежно, умело, не отрываясь.

Я смотрела в потолок.

Ничего.

Он спустился ниже. Поцеловал живот. Потом лобок. Потом раздвинул мои ноги и начал ласкать меня языком.

Я закрыла глаза.

Макс. Я представила Макса. Его руки. Его язык. Его шёпот: «Терпи».

Моё тело откликнулось. Не сразу, но чуть-чуть — пульсация в клиторе, капля влажности. — Остановись, — сказала я.

Сергей поднял голову.

— Всё нормально?

— Да. Просто... я хочу по-другому.

— Как?

— Сзади.

Он кивнул. Я перевернулась. Встала раком. Моя спина прогнулась, грудь нависла, соски касались простыни.

Он одел презерватив и вошел вошёл в меня.

Медленно, но глубоко, в сухую, немного от этого больновато. Я чувствовала его член — твёрдый, горячий, пульсирующий.

Я закрыла глаза и представила, что это он. Что это Макс держит меня за бедра. Что это Макс шепчет: «Терпи».

Сергей кончил, снял презерватив, откинул его в сторону. Я упала на подушку.

— Ты была великолепна, — сказал он.

— Спасибо, — ответила я.

Я лежала на спине. Смотрела в потолок. Он лежал рядом, гладил мою руку.

— Кать, — сказал он. — Ты со мной или с кем-то другим?

— С тобой, — ответила я.

Я не соврала. Я была с ним. В этой комнате. В этой кровати.

Но в моей голове — был другой.

Я закрыла глаза.

Макс. Макс. Макс.

Где ты?

Глава 3. Приезд Макса 3,5 месяца спустя

Я возвращалась с работы.

Обычный вечер. Усталая, но не слишком. После смены прошла пешком до метро, купила булочку с корицей в пекарне у дома. Думала о том, что завтра у нас с Сергеем запланировано кино. Он хотел показать мне какой-то старый фильм, который любил с детства. Я согласилась.

Я подходила к подъезду — и замерла.

Чёрная машина. Знакомая. Макса.

Сердце пропустило удар. Потом забилося так часто, что я почувствовала, как пульсирует в висках, в груди, внизу живота.

Он вышел из машины. В руках — букет красных роз. Огромный, наверное, из ста цветов. Он был в костюме — чёрные брюки, белая рубашка, пиджак накинут на плечи. Загорелый. Красивый. Как с картинки.

— Привет, Катя, — сказал он. — Прости, что так долго.

Я смотрела на него и не знала, что сказать.

Одна часть меня хотела его ударить. Дать пощёчину. Крикнуть: «Ты где был? Ты почему не звонил? Ты знаешь, как я ждала?» Другая часть — та, что жила внизу живота, — чувствовала трепет. Пульсацию. Влажность, которая появлялась мгновенно, стоило ему просто посмотреть на меня.

Обе части соединились воедино.

Я размахнулась и дала ему пощёчину.

Звонко. Больно. Моя ладонь обожглась.

Он не отшатнулся. Не опустил голову. Просто смотрел на меня. В его глазах не было ни злости, ни обиды. Только что-то тёмное, голодное, собственническое.

— Прости, — сказал он. — Я заслужил.

Он взял мою руку за запястье. Я дёрнулась второй — он перехватил её. Теперь обе мои руки были у меня за спиной. Он держал их одной правой.левой — обхватил мою талию. Притянул к себе. И впился ртом в мои губы.

Я обмякла.

Его язык был внутри моего рта — горячий, требовательный, живой. Я чувствовала его запах — тот самый, терпкий, с нотами дерева и восточных пряностей. Тот, от которого у меня подкашивались ноги.

Желание ударить его пропало. Растаяло. Исчезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.